

Питер Брук приезжает в Москву

Мы «не слышим» иностранные имена, не чувствуем, что в имени Петера Штайна дважды отзывается камень, а сочетание «Питер Брук» соединяет камень с ручьем. В случае Брука соединение воды и камня имеет особый смысл: в послевоенном искусстве нет художника, который бы подобно ему осуществлял на протяжении десятилетий непрерывный экспериментальный поиск, не теряя при этом основных параметров устойчивого классического театра.

О его влиянии на мировую сцену написаны десятки книг. Меньше знают о его воздействии на русский театр. Он появился в Москве после смерти Сталина вместе со своим Гамлетом – Полом Скофилдом. Потом через несколько лет он показал у нас и «Короля Лира». Оба спектакля сильнейшим образом повлияли на саму завязь нового поколения русской режиссуры. И не только режиссуры: Давид Боровский рассказывал мне, как, приехав из Киева, прорвался на бруковского «Лира» в филиале МХАТ и буквально на коленях отстоял ту театральную службу.

Он существует поверх привычных для нас барьеров. Он побратал в своем искусстве Станиславского и Мейерхольда, Брехта и Арто. Он берет свое богатство везде, где хочет, совершенно не заботясь о том, что скажет на это «культура». В прошлом году ему исполнилось 70, но он работает без устали. Его последняя премьера в Париже называется «Кто там?» (по первой строке «Гамлета», которая обращена к Призраку). Этот вопрос он адресует сегодня мировому театру, который явно находится на распутье, естественном для конца века.

В Москве он покажет спектакль «О, дивные дни» Самуэля Беккета с Наташей Парри в главной роли. Из множества радостных событий начавшегося чеховского фестиваля появление Брука в Москве едва ли не основное.

Анатолий СМЕЛЯНСКИЙ

TIME